

Научная специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»

УДК 630:93

ЛЕСНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

© Черных В. В., 2020

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Освещается совершенствование российского лесного права в период правления Николая I, отмечается его вклад в совершенствование лесного законодательства, развитие такого социального института, как Лесной департамент, всесторонне рассматривается его деятельность по сбережению, охране и восстановлению лесов Российской империи. Анализируется лесоохранительная политика России в сопоставлении с предыдущими периодами, скрупулезно отслеживаются изменения в лесной отрасли, совершенствование в управленческой структуре Лесного департамента. Анализируются императорские указы и постановления лесного характера, особое внимание уделено созданию в стране лесной стражи, совершенствованию их профессионализма, подготовке лесных специалистов за границей, акцентируется стремление императора к обеспечению целостности лесов, нужных для кораблестроения, рассматриваются особенности уголовных лесных нарушений, усилия государства по созданию отечественного лесного образования, от самостоятельных лесных училищ и школ до полновесного Лесного института с филиалами и подсобными лесничествами. Анализируется принятие и действие разнообразных лесных узаконений и распоряжений императора и лесных ведомств. Обосновывается необходимость распределения лесов между разными ведомствами, осуществленное министром финансов Е. Ф. Канкриным, и высказываются сомнения в эффективности этого проекта. Анализируется учреждение Департамента государственных имуществ как важной части Министерства финансов, показана его структура, а затем анализируется создание на базе Департамента госимуществ Министерства госимуществ и освещается деятельность его первого руководителя графа Киселева. Воссоздается образование Корпуса лесничих и раскрывается его деятельность, подробно показывается структура Корпуса и его военная составляющая. Высказывается сомнение в лесной политике, проводимой государством, с акцентом на превалирование частнособственнических тенденций, ставших в это время популярными.

Ключевые слова: Николай I, лесное законодательство, Лесной департамент, Лесной устав, таксация лесов, охрана и защита лесов, лесные училища и институты, Министерство финансов, Департамент государственных имуществ, рациональное лесное хозяйство, лесная политика. Кодификация лесного законодательства России в николаевскую эпоху.

Период правления любого главы государства носит определенные специфические черты, привнесенные его характером, предпочтениями или неприятием тех процессов, которые не вписываются в управленческое видение и жизнедеятельность государства, являясь вызовом к сложившимся государственным институтам. Николаю I досталось беспокойное хозяйство. Для России XIX в. – это век зарождения революций, политических движений и партий, мода на которые становится всеобъемлющей и даже жертвенной. Это период, когда создание революционных институтов шло параллельно с государственными, когда межгосударственные интересы обострились донельзя и при решении внутренних задач все это нужно было учитывать, особенно это касалось тех вопросов, которые регламентировались законодательно. Не случайно именно в этот период настало время заняться кодификацией законов Российской империи, в том числе

и лесного законодательства, собственно о чем и пойдет речь в этой статье.

Но для восприятия механизма зарождения того или иного закона, понимания его природы целесообразно понять, какую роль в его появлении играет субъективный фактор, а именно личные особенности лица, которое генерирует появление того или иного закона. В нашем случае это император.

В большинстве своем историографы и историки не очень противоречат друг другу в оценках правления Николая I, причем это касается их оценочных мнений как из второй половины XIX, так и из XX в. В. О. Ключевский отмечал, что вступление Николая на престол было «случайностью», но это позволило ему взглянуть на существо дел в стране «снизу», что он взошел на него со «скромным запасом политических идей», но жадной реформ, и, что особенно важно для раскрытия вопроса, поставленного в заглавие этой статьи, император считал своей за-

дачей изучение подноготной внутренних дел и ревизию всех учреждений, в том числе лесного хозяйства и его институтов [6, с. 513–514]. А вот В. Н. Балязин утверждал, что Россия получила достаточно опытного военного и государственного деятеля, причем подчеркивавшего, что он русский царь [2, с. 456–457], а известные современные историки Л. В. Милов и Н. И. Цимбаев обнаруживали у царя «рационально-механистическое видение мира» и стремление контролировать «всю законодательную деятельность» [10, с. 509–510].

Симптоматично, что все известные лесоводы: Ф. К. Арнольд [1], С. В. Ведров [3], В. В. Врангель [4], Н. В. Шелгунов [16], Н. И. Фалеев [12], М. Романовский [8], Н. С. Шафранов [15], И. Гершман [5], А. Н. Соболев [14] и др. склонялись к мысли, что опасения Николая I были связаны с состоянием лесной части казенного имущества, малой рентабельностью лесного рынка, отсутствием сведений о лесном хозяйстве многих территорий, трудностью контроля за деятельностью многочисленных лесных чиновников и эксплуатацией лесного фонда. Поэтому не случайно в царствование Николая Павловича произошло окончательное разделение лесов по разным ведомствам. То, что не удалось осуществить при правлении Александра I, министр финансов граф Канкрин, опираясь на поддержку Николая I, стал проводить в жизнь сразу после восшествия на престол последнего. 19 июня 1826 г. было утверждено новое устройство лесной части в Санкт-Петербургской, Олонецкой, Псковской и Казанской губерниях. Обер-форстмейстеры были переименованы в лесничих и присоединены со своими канцеляриями к казенным палатам, в которых в свою очередь учреждались особые лесные отделения. Остальные лесные чины были переименованы в ученых, окружных, младших лесничих, подлесничих, объездчиков и сторожей. Губернских и старших лесничих рекомендовалось набирать из способных, знающих лесоводство чиновников. На губернских лесничих возлагались следующие обязанности: обеспечение улучшения лесного хозяйства и роста доходов лесной отрасли; таксация лесов и составление смет; контроль лесных насаждений, в первую очередь тех участков, которые выделены для производственных нужд [3, с. 236; 4, с. 90; 13, с. 83; 16, с. 297–298].

В интересах охраны лесов и повышения эффективности ведения хозяйства губернии были разделены на округа, а те в свою очередь на лесничества. Наиболее ценные лесничества и заказные рощи были доверены окружным лесничим, объездчикам и сторожам, прочие лесничим и подлесничим. Вновь назначенным лесным

чиновникам были поставлены задачи по составлению описей и лесных структур вверенных им угодий, четкому отделению казенных лесов от крестьянских и только после проведения этих работ разделению губернии на округа и лесничества. Корабельные леса также причислялись к лесничествам.

По штатному расписанию число лесных служащих явно не соответствовало поставленным перед ними обширным задачам, особенно невелико было число объездчиков – 402 и сторожей – 504, и обеспечить сохранность лесов они не могли физически. Злоупотребления в казенных, лиственничных лесах, представлявших особую ценность для кораблестроения, что входило в ранг государственных преступлений в Олонецкой губернии в 1829 г., Вологодской в 1835 г., Пермской в 1831 г. и ряде других, обязывало правительство изыскивать возможности по укреплению лесной стражи. К числу позитивных шагов в этой области можно отнести принятые Департаментом госимуществ распоряжение о замещении должностей лесных надзирателей и объездчиков нижними чинами внутренней стражи, имеющими незначительные физические изъяны (1831 г.); распоряжение о комплектовании лесной стражи из людей военного ведомства (1832 г.); «Положение о постоянной лесной страже по ведомству Министерства финансов» (1832 г.). Справедливости ради нужно отметить, что идея об образовании лесной стражи принадлежала еще Александру I и даже нашла свою реализацию на некоторых дачах и рощах Херсонской губернии¹. На основании данного «Положения», постоянная лесная стража комплектовалась из семейных, казенных крестьян или отставных военных, поселяемых в селениях вблизи казенных лесных угодий. Состав такой лесной стражи выглядел следующим образом: хозяин, служащий пеший стрелок, его помощник, запасные стрелки, неспособные и малолетки. Непосредственно охрану лесов обеспечивали стрелки и их помощники, в крайнем случае привлекались все остальные. Надзор за лесной стражей обеспечивали объездчики, назначаемые из бывших военных. Стража освобождалась от государственных налогов, земских и рекрутских повинностей и от военного постоя. Продолжительность службы – 20 лет [13, с. 85].

В целях улучшения управления лесной отраслью при Департаменте госимуществ создается Ученый по лесной части Комитет, председателем которого назначается директор Департамента, членами – два чиновника по выбору министра

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). Т. 4. № 2615; Т. 10. № 8142; Т. 7. № 5203; Т. 6. № 4282, пп. 2 и 3.

финансов, имеющие опыт и достижения в лесном деле, и редактор. Собственно, данный Комитет и призван был заниматься выработкой различных узаконений по лесной части, подготовкой научных рекомендаций, наставлений по правильному ведению лесного хозяйства¹.

К концу 30-х гг. XIX столетия под юридическую практику Департамента госимуществ попадали следующие категории лесов: казенные; корабельные; государственных крестьян; приписанные к заводам, фабрикам и различным промышленным производствам; военных поселений; духовного ведомства; городские; колонистов; «общего владения с казной»; юридических лиц, которым выделялись лесные угодья во временное пользование. Управление столь разнообразными видами лесов всегда вызывало большие проблемы. Хорошо осознававший это граф Канкрин, с самого начала своего назначения министром финансов, старался корабельные леса передать в Морское министерство, заводские – горному ведомству, леса тульских и ижевских заводов Военному министерству, отделить леса удельные и т. д. В отношении крестьянских лесов Канкрин с болью писал, что «нельзя сокрыть, что уменьшение оных и даже истребление очевидно усиливается» и что «способами, зависящими от казны, упомянутые леса не могут быть ни в скором времени отделены, ни достаточно охранены, почему необходимо нужно принять решительные по сему предмету меры» [15, с. 300].

Предложенные Канкриным меры заключались в следующем: выделить крестьянам, под руководством лесных чиновников и земской полиции, участки из расчета до 2 десятины на человека, причем качественных лесов, но не корабельных. Крестьяне же со своей стороны должны взять обязательства по сбережению этих лесов. Также он предлагал выделить участки монастырям, леса, состоящие при городах, передать в ведение городских обществ. Государь предложения министра финансов утвердил 10 ноября 1832 г.

Канкрин, как выразилась профессор Э. Г. Истомина, был наиболее последовательный выразитель «финансово-фискального» отношения к лесному фонду [9, с. 41] и сохранение лесов видел «чрез представление их в непосредственный присмотр тех ведомств и заведений, для продовольствия и пользования которых они предназначены, в убеждении, что собственные их выгоды побудят их пещись о сбережении сих лесов, составляющих их условную собственность» [13, с. 69–70].

Первыми в 1832 г. из-под контроля Департамента госимуществ были выведены корабельные леса, затем городские леса переданы городским обществам, в 1834 г. в удельное ведомство отошли все удельные леса; в 1837 г. с учреждением Министерства госимуществ все леса государственных крестьян были переданы в его ведение; в 1838 г. православным монастырям предоставили право получать и брать из государственных дач на свое попечение лесные участки площадью от 50 до 150 десятин². Признанный знаток лесного права профессор Н. И. Фалеев подчеркивает, что государство в интересах материальной поддержки монастырей в период Николая I выделило им участки из казенных лесных дач именно в пользование, а не в собственность [12, с. 88].

С учреждением Военного министерства начинается этап контроля за правильным разделением лесов военных поселений и охраны их от злоупотреблений и пожаров [17, с. 171], обеспечения восстановления лесов, разработки торфа и каменного угля, коневодства³.

Как показывает опыт передачи лесов в собственность, для многих является сильным искушением возможность быстрого обогащения в результате их обмена на деньги, даже путем полного истребления. В сохранении лесов как постоянного источника сырья, как фактора, от которого зависит экологическое состояние страны, заинтересовано все общество, а в чрезмерных хищнических рубках – отдельные группы людей, для которых на первый план выходят меркантильные, эгоистические интересы. Передача лесов в собственность государственным крестьянам, т. е. их социализация, получила негативную оценку лесоводов. Факты широкого истребления крестьянских лесов отмечались повсеместно [1, с. 289]. К началу 70-х гг. XIX в. крестьянам было передано 7,5 млн десятин леса. За 50 лет все эти леса были превращены в заросли кустарников, малоценные выгоны, овраги и пески [11, с. 2]. В 40-х годах ежегодные потери в лесах от самовольных рубок и пожаров исчислялись в 4 млн руб., в то время как ежегодный доход от всех государственных лесов едва достигал 0,5 млн руб. [9, с. 42].

Большое беспокойство ведомств вызывали злоупотребления как в государственных, так и частных лесах, особенно это касалось корабельных лесов. Для ужесточения контроля за этими лесами был даже создан 11 ноября 1826 г. под председательством председателя Госсовета графа В. П. Кочубея особый Комитет по борьбе с

¹ ПСЗ-2. Т. 1. № 415.

² ПСЗ-2. Т. 7. № 5742; Т. 10. № 8250; Т. 9. № 6814.

³ ПСЗ-2. Т. 11. № 9075, п. 3.

лесными нарушениями. Историограф лесного законодательства Н. Щелгунов отмечал достаточно эффективную работу Комитета, выразившуюся во вскрытии большого количества злоупотреблений, привлечении виновных к ответственности и разработке «лесных полицейских нарушений», вытекающих из неправильного владения, пользования и распоряжения лесной собственностью, а также самовольной порубки, повреждения или кражи леса [16, с. 302; 12, с. 339, 282]. Выполнив возложенную на него функцию, Комитет прекратил существование 23 апреля 1828 г.

В период правления Николая Павловича резко усилилась борьба с правонарушителями лесного законодательства. Пойманные порубщики, за сопротивление лесным чинам, подвергались военному суду как бунтовщики; штрафы взимались с назначением жестких сроков неукоснительно, в противном случае виновного отдавали в солдаты, если он оказывался непригодным к службе, то его ссылали на поселение. Денежный штраф назначался по усмотрению суда, в случае повторного нарушения или затягивания выплаты штрафа, суд увеличивал наказание вдвое. В некоторых местностях, как, например, в Лифляндии, порубщики отдавались на время в казенные работы [12, с. 281].

Наибольшее число законодательных уложений касалось нарушений, связанных с незаконной рубкой лесов, поэтому именно на это законодатель обращал особое внимание для разъяснения последствий злоупотреблений, а также на ликвидацию неточностей или двусмысленностей в предыдущих законах.

Так, для прекращения злоупотреблений, вскрытых в Олонецкой губернии, 23 января 1829 г. Сенат повелел: для улучшения надзора за важнейшими казенными лесами губернии определить в лесные сторожа в помощь пожарным старостам еще 80 человек из внутренней стражи. Сроки рубки было рекомендовано ограничивать 20 марта, а не как раньше 1 апреля, дабы не попасть под весеннее половодье. Лесничие должны были проверять наличие клейм сплавного леса и подвергать штрафам отсутствие клеймения нерадивыми хозяевами. Правила эти распространялись на леса, вырубаемые на помещичьих дачах. Весь лес, предназначенный к сплаву, должен быть освидетельствован лесничими, а хозяева иметь разрешительные к тому документы¹.

Вместе с тем часть постановлений Сената, имевших подпись императора, свидетельствует о снисхождении к подданным, незначитель-

но нарушившим лесное право и необходимости выяснения причин, толкнувших кого-либо на преступление. Так, к этому разряду можно отнести указы от 23 ноября 1829 г. «О непроизводении с казенных крестьян в губерниях, изобилующих лесом, никакого взыскания за излишнюю порубку лесов, отпускаемых им на домашнее употребление»; от 29 марта 1832 г. «О неосвобождении казенных и удельных крестьян, а равно священно- и церковнослужителей от взыскания штрафа за самовольно вырубленный и в продажу употребленный лес»; от 11 сентября 1835 г. «О лесных порубщиках в общих с казною дачах, вовлекаемых в преступление необходимостью и невниманием к их справедливому просьбам» [13, с. 87].

В целях исключения сговора между лесными служителями и похитителями леса также было принято постановление 23 декабря 1835 г., которым указывалось: с лесных надзирателей в случае кражи леса, произведенной неизвестно кем, для вознаграждения казны и наказания надзирателей за слабый контроль, взыскивать за похищенный лес полные попенные деньги, если похитители не успели его вывезти, тогда брать половину. А в случае несостоятельности надзирателя покрыть кражу, взыскать требуемую сумму с избравшего его общества².

Важной стороной деятельности николаевского правительства можно считать шаги по развитию лесоводческой науки как самого главного фактора по повышению эффективности лесного хозяйства. И вполне понятно, что реализация этого фактора виделась через подготовку специалистов лесного дела.

Первое лесное учебное заведение в России было открыто в 1803 г. благодаря энтузиасту лесного дела курляндскому дворянину Штейну, добившемуся открытия лесного училища близ Царского Села. Соизволение на устройство училища было получено от самого императора Александра Павловича. Ко времени правления Николая Павловича училище уже обозначилось как Лесной институт и в связи с проектом 19 июня 1826 г. стало играть важную роль. Правительство поставило перед институтом задачу подготовки специалистов, способных на новом качественном уровне обеспечить замещение прежних лесничих. В соответствии с новым учебным планом количество обучающихся за казенный счет возросло до 78 человек, срок обучения был увеличен с трех до шести лет и образовано шесть классов по специализации.

По окончании обучения выпускники делились на три разряда: первый выпускался с чи-

¹ ПСЗ-2. Т. 4. № 2615, 3138.

² ПСЗ-2. Т. 10. № 8568.

ном 12-го класса, второй – 14-го класса, а третий разряд именовался практикантами. С каждого выпуска 2 человека откомандировались в горное ведомство¹.

В 1832 г. при Институте была открыта школа межевщиков с обучением 48 человек, но потребности новой специализации позволили довести количество этих специалистов в первый же год обучения до 75 чел. Набор в школу осуществлялся из детей канцелярских служащих, разночинцев, купцов, мещан, вольноотпущенных, казенных крестьян и по рекомендации министра финансов дети унтер-шихмейстеров² казенных горных заводов. Курс был рассчитан на три года, успешно окончившие молодые люди освобождались от телесных наказаний, рекрутской повинности и подушного оклада³.

В 1834 г. для практического усвоения студентами института приемов и способов ведения лесного хозяйства и съемки было учреждено Лисинское учебное лесничество, дачи которого в 1941 г. были устроены по правилам рационального лесоустройства. При этом в лесничестве было учреждено Егерское училище, дававшее первоначальное лесное образование, лучшие выпускники которого назначались кондукторами, остальные пополняли состав лесной стражи⁴.

Со времени учреждения Корпуса лесничих и придания ему военного статуса, Лесной институт также получил военное устройство: лесное отделение его и школа межевщиков стали называться лесной и межевой ротами, институт переименован в «Лесной и межевой институт». Выпускники института пополняли состав лесных межевых чинов, становились землемерами и инженерами при палатах государственных имуществ, а из лесной роты выпускники в звании «практикантов» посылались на один год на практику в Лисинское учебное лесничество, по окончании которого они направлялись на службу в качестве лесничих или таксаторов. Впоследствии шестилетний курс обучения вновь был сокращен до трех лет и в институт стали принимать абитуриентов, уже имеющих общее образование, гимназистов после 4 классов гимназии. При институте был учрежден так называемый офицерский класс, в который поступали лучшие по истечении одного года службы [8, с. 47–48].

До создания у нас образовательной системы мы вынуждены были завозить специалистов из-

за рубежа, окружая их повышенной заботой, а уж с учеными обращались как с драгоценными сосудами. Иностраный специалист, при отсутствии собственной подготовки кадров, получал у нас жалованье втрое больше, даже если отечественный превосходил зарубежного коллегу в знаниях. Может, оттуда у нас идет такое преклонение перед всем зарубежным? Иностранцы владели у нас тысячами имений, фабрик и заводов. По понятным причинам окружали себя земляками, и многие отрасли знаний оставались для нас за семью замками. Особенно это было заметно в лесном хозяйстве. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть «Списки чинов Лесного департамента». Каждый второй специалист в нем с иностранной фамилией.

В первой половине XIX в. все лесоводственные знания, являвшиеся достоянием лишь немногих русских людей, заимствовались из Германии. И почти без всякой переработки переносились в российскую практику. Первый директор Царскосельского лесного училища фон Штерн русского языка вообще не знал (как и историки немцы Миллер, Бауер и Шлецер, написавшие нам в свое время нашу историю, от которой мы до сих пор не можем очиститься). Директор Лесного института Ф. Л. Брейтенбах также по-русски не говорил.

В 1805 г. в 15 верстах от Козельска открыли одну из первых высших лесных школ, задачей которой являлся перевод иностранных книг по лесоводству. Не удивительно, что при таком подходе к делу первый учебник по лесоводству, написанный отечественным публицистом, у нас появляется только в 1831 г. Любопытно, что автором этого учебника стал человек, не имевший лесного образования, некто П. А. Перелыгин. И уж само собой разумеется, что составлен этот учебник был по немецким источникам. Учились по нему несколько десятилетий. Более-менее приемлемый учебник по лесной промышленности («Лесная технология. Руководство к механической и химической обработке»), подготовленный Е. П. Поповым, появится только в 1871 г., а до этого пользовались переводными книгами. Несколько ранее вышли в свет и стали использоваться в качестве учебников работы ученых по лесному законодательству: В. В. Врангеля (1841 г.); Н. В. Шелгунова (1857 г.); и позже: С. В. Ведрова (1878 г.); М. Романовского (1881 г.); Н. И. Фалеева (1912 г.) и др.

В целях популяризации лесных знаний и приобщения к научному восприятию ведения лесного хозяйства в 1832 г. в Санкт-Петербурге было учреждено Общество для поощрения лесного хозяйства. В Москве также было организовано отделение этого общества.

¹ ПСЗ-2. Т. 7. № 2940.

² *Шихтмейстер* – низший чин горной табели о рангах (XIV класса). Соответствовал коллежскому регистратору гражданской службы или подпрапорщику военной.

³ ПСЗ-2. Т. 7. № 5486.

⁴ ПСЗ-2. Т. 9. № 7627.

Общество преследовало следующие цели: сбор членами общества сведений о состоянии лесов и лесоводства в разных местностях России; пропаганду сбережения лесов и научной организации ведения лесного хозяйства посредством как зарубежных, так и отечественных знаний о лесах и лесном законодательстве в выпускаемом ими печатном издании, именуемом «Лесной журнал». Пожалуй, наиболее важный вклад, сделанный Николаем Павловичем за его правление, заключается в осуществлении составления свода законов Российской империи, порученного им М. М. Сперанскому. Вышедшая в 1842 г. 1-я часть его VIII тома содержала отдельную отраслевую кодификацию норм лесного законодательства – Свод учреждений и уставов лесных (Устав лесной).

В период генезиса свода законов как формы систематизации норм российского права, подчеркивает профессор Е. С. Навасардова [7, с. 13], доктрина о подразделении его на отрасли в юридической науке еще не получила надлежащей разработки. Между тем отраслевой принцип классификации законодательных установлений именно в своде законов был впервые реализован практически. Присутствующая в нем отдельная кодификация норм об охране и рациональном использовании леса позволяет говорить о существовании в Российской империи лесного права как относительно самостоятельной отрасли. Намеренное вынесение норм об эксплуатации лесных угодий за рамки гражданского и общего уголовно-полицейского права очевидно свидетельствует об объективной потребности законодателя в рассмотрении соответствующих общественных отношений в качестве обособленного объекта правового регулирования.

Указом 26 декабря 1837 г. управление лесами было соединено с управлением государственными имуществами и подчинено Министерству государственных имуществ. С этого времени все леса государственных крестьян на одинаковом основании с прочими государственными были переданы в его ведение. Теперь об обеспечении крестьян лесом на местах стали заботиться палаты госимуществ.

Положением от 30 января 1839 г. лесное ведомство Министерства государственных имуществ получило военное устройство и все чины этого ведомства были соединены в один состав под названием Корпуса лесничих, который комплектовался из чинов Губернского лесного управления, учебных заведений и постоянной лесной стражи.

Общее руководство Корпуса в инспекторском отношении поручалось инспектору Кор-

пуса лесничих, при котором для этой цели было учреждено Дежурство. Для ближайшего надзора за действиями чинов Корпуса лесничих по инспекторской части и организации в губерниях разумного лесоводства и для разных поручений при Корпусе вводились: вице-инспекторы, ученые и запасные лесничие; а для следственных и ссудных дел о чинах лесной стражи учрежден Лесной аудиториат [4, с. 97].

При Министерстве госимуществ было образовано три департамента, Совет, Канцелярия министра и Ученый комитет. Ученый комитет рассматривал дела по исправлению недостатков и по оригинальным нововведениям в лесной области [13, с. 102–103].

Наличие трех лесных департаментов приводило к децентрализации, параллелизму и дублированию одних и тех же вопросов одновременно. На это было обращено особое внимание министра госимуществ графа П. Д. Киселева¹, и в результате принимается Положение 18 января 1843 г.², по которому все три департамента были объединены в один – Лесной департамент.

По Положению, Лесной департамент управлялся директором из генералов Корпуса лесничих, являвшимся одновременно и инспектором Корпуса. Ему в помощь был придан вице-директор. Лесной департамент имел 6 отделений: 1 – инспекторское, 2 – по управлению лесами, 3 – по охранению лесов, 4 – по ведению правильного лесного хозяйства, 5 – по употреблению лесов и 6 – счетное, при котором были учреждены: чертежная, общее присутствие, особый специальный лесной комитет и архив. Первым руководителем Лесного департамента стал полковник, граф Николай Матвеевич Ламсдорф, который оставался на этой должности до 8 октября 1851 г.

Итак, деятельность Николая в значительной степени способствовала экономическому развитию страны, в том числе и лесного хозяйства. При нем в России началась эра промышленного переворота, в котором государство играло не последнюю роль. Император способствовал укреплению правосознания изданием свода законов и жестким закреплением принципа частной собственности. Была заложена система учебных лесных заведений, обеспечивающих подготовку профессиональных кадров. Кодификация лесных норм, обособленная от иного отраслевого законодательства, была свидетельством зарождения в России лесного права как

¹ Граф (с 1839) Павел Дмитриевич Киселев (8 [19] января 1788 – 14 ноября 1872) – русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1834). Первый министр государственных имуществ (1837–1856), реформировавший быт государственных крестьян (1837–1841).

² ПСЗ-2. Т. 18. № 16461.

самостоятельной отрасли, ориентированной не столько на хозяйственные отношения, сколько на природоохрану как самодостаточную социальную ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1895. 403 с.
2. Бализин В. Н. Неофициальная история России. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 608 с.
3. Ведров С. В. О лесоохранении по русскому праву: Исслед. Сергея Ведрова. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1878. 224 с.
4. Врангель В. В. История лесного законодательства Российской империи с присоединением очерка истории корабельных лесов России. СПб. : Тип. Фишера, 1941. 153 с.
5. Гершман И. Очерк истории лесовладения, лесной собственности и лесной политики в России // Лесн. журн. 1911. Вып. 3–4. С. 493–518.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 3. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 576 с.
7. Навасардова Э. С. Кодификация лесного законодательства России в XIX в. // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 13–17.
8. Романовский М. Курс русского законодательства / сост. М. Романовский. СПб. : А. Ф. Девриен, 1881. 353 с.
9. Истомина Э. Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.
10. Милов Л. В., Цимбаев Н. И. История России XVIII–XIX веков / под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2006. 784 с.
11. Синицин С. Г. Учиться у истории // Лесное хозяйство. 1992. № 2–3.
12. Фалеев Н. И. Лесное право: 1. Лесная собственность. 2. Лесные нарушения: пособие для лесничих, ученых лесоводов, сел. хозяев, лесовладельцев, лесопромышленников, землеустроителей, таксаторов, студентов вузов. М. : Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 360 с.
13. Столетие учреждения Лесного департамента. 1788–1898. СПб. : Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1898. 253 с.
14. Соболев А. Н. Основы лесоохранения в России : докл. Всерос. съезду в С.-Петербурге лесовладельцев и лесохозяев по обсуждению лесоохранит. закона / проф. А. Н. Соболев. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1911. 23 с.
15. Шафранов Н. С. Лесоохранение. СПб. : Тип. Майкова, 1872. 211 с.
16. Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. СПб. : Тип. М-ва гос. имуществ, 1857. 378 с.
17. Черных В. В. История борьбы с огнем в России : монография. Иркутск : Оттиск, 2010. 592 с.

REFERENCES

1. Arnold F.K. *Istoriya lesovodstva v Rossii, Francii i Germanii*. Saint Petersburg, A.F. Marks Publ., 1895, 403 p. (in Russian)
2. Balyazin V.N. *Neofitsialnaya istoriya Rossii*. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007, 608 p. (in Russian)
3. Vedrov S.V. *O lessohranenii po russkomu pravu: Issled. Sergeya Vedrova*. Saint Petersburg, V.Bezobrazov i K Publ., 1878, 224 p. (in Russian)
4. Vrangl V.V. *Istoriya lesnogo zakonodatelstva rossijskoj imperii s prisoedineniem ocherka istorii korabelnyh lesov Rossii*. Saint Petersburg, Fishera Publ., 1941, 153 p. (in Russian)
5. Gershman I. *Ocherk istorii lesovladieniya, lesnoj sobstvennosti i lesnoj politiki v Rossii*. *Lesnoj zhurnal*, 1911, no. 3–4, pp. 493–518. (in Russian)

6. Klyuchevskij V.O. *Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij*. In 3 books, book 3. Rostov na Donu, Feniks Publ., 1998, 576 p. (in Russian)
7. Navasardova E.S. *Kodifikaciya lesnogo zakonodatelstva Rossii v XIX v. Obshchestvo i pravo*, 2009, no. 4 (26), pp. 13–17. (in Russian)
8. Romanovskij M. *Kurs russkogo zakonodatelstva*. Sankt Peterburg, A.F. Devrien Publ., 1881, 353 p. (in Russian)
9. Istomina E.G. *Lesoohranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XX veka. Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 4, pp. 34–51. (in Russian)
10. Milov L.V., Cimbaev N.I. *Istoriya Rossii XVIII-XIX vekov*. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 784 p. (in Russian)
11. Sinicin S.G. *Uchitsya u istorii. Lesnoe hozyajstvo*, 1992, no. 2-3. (in Russian)
12. Faleev N.I. *Lesnoe pravo: 1. Lesnaya sobstvennost. 2. Lesnye narusheniya*. I. D. Sytin Publ., 1912, 360 p. (in Russian)
13. *Stoletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta. 1788–1898*. Saint Petersburg, Tipo-lit. YU. YA. Riman Publ., 1898, 253 p. (in Russian)
14. Sobolev A.N. *Osnovy lessohraneniya v Rossii: Dokl. Vseros. S'ezdu v S.-Peterburge lesovladelcev i lesokhozyaev po obsuzhdeniyu lessohranit. zakona*. Saint Petersburg, Tipo-lit. M. P. Frolova Publ., 1911, 23 p. (in Russian)
15. SHafranov N.S. *Lesoohranenie*. Saint Petersburg, Tip. Majkova Publ., 1872, 211 p. (in Russian)
16. SHelgunov N.V. *Istoriya russkogo lesnogo zakonodatelstva*. Saint Petersburg, V tip. M-va gos. imushchestv Publ., 1857, 378 p. (in Russian)
17. CHernyh V.V. *Istoriya borby s ognym v Rossii*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010, 592 p. (in Russian)

Forest Legislation in the Reign of Nicholas I

© Chernykh V. V., 2020

The article highlights the improvement of Russian forest law during the reign of Nicholas I, notes his contribution to the improvement of forest legislation, the development of such a social institution as the Forest Department, comprehensively examines its activities for the conservation, protection and restoration of forests of the Russian Empire. The forest protection policy of Russia in comparison with the previous periods is analyzed, changes in forest branch, improvement in administrative structure of Forest Department are scrupulously tracked. Imperial Decrees and resolutions of forest character are analyzed, special attention is devoted to creation in the country of forest guards, improvement of their professionalism, training of forest specialists abroad, the aspiration of the Emperor for ensuring integrity of the woods necessary for shipbuilding is emphasized, features of criminal forest violations are considered. The efforts of the state to create a domestic forest education, from independent forest schools and schools to a full-fledged Forest Institute with branches and subsidiary forestry are considered. Acceptance and action of various forest legalizations and orders of the Emperor and forest departments is analyzed. The necessity of forest distribution between different departments, carried out by the Minister of Finance E. F. Kankrin, is substantiated and doubts are expressed about the effectiveness of this project. The establishment of the Department of State Property as an important part of the Ministry of Finance is considered, its structure is shown, and then the creation on the basis of the Department of state property of the Ministry of state property is analyzed and the activities of its first head count Kiselev are covered. Recreates the formation of the Corps of Foresters and reveals its activities, shows in detail the structure of the Corps and its military component. There is doubt about the forest policy pursued by the state with an emphasis on the prevalence of private property trends that have become popular at this time.

Keywords: Nicholas I, forest legislation, Forest Department, Forest Charter, forest inventory, forest protection, forest schools and institutions, Ministry of Finance, Department of state property, rational forestry, forest policy, Codification of forest legislation of Russia in the Nicholas era.